

© 2002 г. Г.И. КУСТОВА

О ТИПАХ ПРОИЗВОДНЫХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ С ЭКСПЕРИЕНЦИАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ*

В настоящей работе речь пойдет о структуре полисемии и особенностях семантической деривации слов, обозначающих внутренние состояния человека. Такие слова мы будем называть экспериенциальными.

В языке естественным образом выделяются (и противопоставляются) две важные сферы – "механическая" (или энергетическая – к которой относятся всевозможные "физические" действия, процессы, изменения) и экспериенциальная (или информационная).

Слова с экспериенциальной семантикой обслуживают внутреннюю сферу человека, которая имеет сложное устройство и включает целую **иерархию подсистем** – ощущения, в том числе физиологические реакции (*жарко, больно, тяжело*), эмоциональные состояния и реакции (*грустно, страшно, смешно*), перцептивные (*видно, видеть, слышно, слышать*) и ментальные (*понятно; известно; понимать; знать*) состояния и отношения [Апресян 1995].

Роль субъекта при соответствующих предикатах принято называть "Экспериенцер" (или "Датив", ср. [Fillmore 1968; Chafe 1971; Кибрик 1992]). В работах по семантике Экспериенцер включается в единый список семантических ролей наряду с Агенсом, Пациентом, Инструментом и т.д. – так сказать, через запятую. Между тем, если спроецировать эти роли на внеязыковую реальность (применительно к человеку), то оказывается, что Агенса и Пациента – это временные и альтернативные состояния (роли) человека, а Экспериенцер – его постоянная и "абсолютная" роль: человек всегда является Экспериенцером, поскольку он всегда что-то ощущает, чувствует, видит, слышит и т.д. Именно поэтому слова с экспериенциальной семантикой легко "вставляются" в качестве дополнительных, сопровождающих характеристик в описания различных "энергетических" ситуаций (ср. *В страхе прижались к земле* и т.п.). У любой ситуации, в которой человек участвует или которую он просто воспринимает в качестве наблюдателя, есть экспериенциальный аспект или экспериенциальный коррелят.

В энергетической и экспериенциальной сферах по-разному устроена каузация (об особенностях экспериенциальной каузации речь пойдет ниже). В энергетической и экспериенциальной сферах по-разному работают механизмы образования производных значений и вообще механизмы "переноса" (разумеется, у них есть и много общего; речь идет о различиях, которые обнаруживаются в **ключевом звене** каждой из систем).

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 02-04-00295а.

Работа обсуждалась на семинаре по теоретической семантике под рук. акад. Ю.Д. Апресяна. Автор выражает признательность Ю.Д. Апресяну, М.Я. Гловинской, Г.Е. Крейдлину и Е.В. Падучевой за доброжелательное обсуждение и конструктивные замечания, которые были учтены при подготовке окончательного варианта статьи.

В обеих сферах предикаты человека используются для обозначения чего-то другого ("переносятся" на другие ситуации):

(а) *Хулиган сорвал шапку с прохожего – Ветер сорвал шапку с прохожего;*

(б) *грустный буфетчик – грустный пейзаж.*

В обоих случаях такой перенос с человека на что-то еще может быть только частичным. Но сама эта "частичность" разного характера. То, что делает человек, никто, кроме него, сделать не может. Перенос в случаях вида (а) происходит на уровне фрагмента ситуации (человек срывает шапку рукой, а ветер – нет; но результат похож: шапка сорвана). Главный принцип переноса здесь – **аналогия** (метафора – частный случай аналогии). То, что чувствует человек, тоже никто, кроме него, чувствовать не может. Однако никакая аналогия здесь невозможна (если, конечно, речь не идет об олицетворении). Главный принцип переноса экспериенциальных предикатов за пределы внутренней сферы человека – принцип **метонимический**: не наличие сходства, а **наличие связи** между внутренним состоянием человека и некоторой внешней ситуацией.

В энергетической сфере, разумеется, тоже широко представлены метонимические значения, однако там они являются, скорее, одним из проявлений принципа экономии. В информационной же сфере метонимическое использование "внутренних" предикатов человека для характеристики "внешних" ситуаций – явление принципиальное и, по-видимому, неизбежное.

Признаки ситуаций, смежных с состоянием, характеризуются через отсылку к состоянию не только потому, что между ними есть связь, но и потому, что очень часто они никак иначе охарактеризованы быть не могут: их очень трудно сформулировать. Что такое *веселый смех* (*весело засмеялся*) или *грустный взгляд* (*грустно посмотрел*)? Это ПРИЗНАКИ ситуации (*смеяться, смотреть*), которые ВОСПРИНИМАЕТ наблюдатель и которые СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ о соответствующем состоянии (*весело, грустно*) субъекта эмоции. Кроме наличия связи с состоянием ничего более содержательного об этих признаках сказать, по-видимому, нельзя.

В пределах самой экспериенциальной сферы характерное направление семантического развития экспериенциальных слов – "**повышение**", т.е. продвижение "вверх" по уровням иерархии внутренних систем человека: переход от ощущений и физиологических реакций (реакций тела) – к эмоциональным состояниям (реакциям души, ср. *тяжело нести – тяжело на душе, больно руку – больно смотреть на это*); от перцептивных состояний – к ментальным (*видел, как он переходил улицу – видел, что он лжет*); от эмоционального состояния к пропозициональному отношению (*было очень страшно во время бомбежки – страшно, что ты солгал*).

ЧАСТЬ I. ПРОИЗВОДНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СЛОВ

В первой части работы будут рассмотрены основные типы значений эмоциональных слов. Мы начинаем рассмотрение типов производных значений экспериенциальных слов с уровня эмоциональных состояний, т.к. именно здесь обнаруживается наиболее богатый языковой материал, позволяющий выявить основные типы семантических сдвигов и семантических противопоставлений (Ю.Д. Апресян отмечает, что эмоциональная система – одна из самых сложных систем человека, "сложнее эмоций, по-видимому, только речь" [Апресян 1995: 366]).

Исходя из различий в наборах значений в рамках класса эмоциональных слов будут выделены разные группы, в том числе – группа каузативных слов, имеющих нетривиальные особенности поведения; а затем, во второй части работы, будет предложено объяснение этих особенностей в терминах понятия экспериенциальной каузации и, шире, экспериенциального отношения.

Эмоциональные слова выступают в разных морфологических (частеречных) формах и разных синтаксических позициях: *Х весел* (краткое прилагательное); *Х-у весело* (категория состояния); *Х весело засмеялся* (наречие); *веселый смех* (прилагательное). Однако они находятся в столь тесных и регулярных семантических отношениях друг с другом, что естественно рассматривать их как единую парадигму – своего рода "гиперлексему". Специального комментария требует категория состояния.

Предикативы на *-о* (*Мне холодно/больно/грустно/страшно*) мы будем, в соответствии со сложившейся в отечественном языкознании традицией, называть категорией состояния (КС). К предикативам, кроме слов на *-о*, относят также слова типа *жаль, пора (есть), нельзя, рад, должен, обязан* и т.п. Статус предикативов (под разными названиями) так или иначе обсуждается со времен А.Х. Востокова; отнесение слов КС к особой части речи имеет как сторонников [Щерба 1928; Виноградов 1947; Пospelов 1955; Галкина–Федорук 1957], так и противников [Исаченко 1955; Шапиро 1955; Травничек 1956; Аничков 1997]. В пределах нашей темы мы будем обращаться только к словам на *-о*, поскольку они входят в полную "парадигму", т.е. имеют соответственные прилагательные и наречия.

Прототипическим ядром КС будем считать слова со значением собственно состояния – "физиологического" (*Мне жарко/больно/тяжело*) и эмоционального (*Мне грустно/страшно*), свободно присоединяющие дательный субъекта. Перцептивные (*видно; слышно*), "интеллектуальные" (*интересно; известно; ясно, что Р*), оценочные (*хорошо; плохо, что Р*) и модальные (*нужно; необходимо, чтобы Р*) слова больше "продвинуты" в сторону отношения и пропозициональной установки. При этом многие "исходные" состояния (как будет показано ниже) являются потенциально двухместными (*грустно/больно, что Р*) и могут "повышаться" до установок (отношений), а оценки (установки) могут, наоборот, "понижаться" до "чистых" состояний (*Мне сейчас хорошо; Ей стало плохо*).

Для нашей темы интерес представляют прежде всего те семантические эффекты, которые связаны с предикативным употреблением слов на *-о*. Во-первых, отнюдь не любые слова на *-о* могут употребляться в предикативной позиции. Невозможно, например, **Мне быстро; *Мне сердито; *Мне лукаво; *Мне энергично* и т.д., – и это не случайные лакуны, а семантически мотивированные запреты, которые еще только предстоит сформулировать. Во-вторых, в рамках самой предикативной позиции обнаруживаются ощутимые семантические различия между КС и однокоренными краткими прилагательными. Сравним, например, внешне очень близкие описания состояния:

Ему весело vs. *Он весел*

Описание состояния с помощью краткого прилагательного предполагает в данном случае внешнего наблюдателя, который по видимым, воспринимаемым признакам заключает о состоянии Х-а. Поэтому нежелательно, а иногда и невозможно, употребление такого предиката в контексте 1-го лица: **Я весел*. Форма КС, напротив, предназначена для обозначения собственно состояния (независимо от того, есть ли у него наблюдаемые внешние проявления), поэтому легко сочетается с "первоисточником" информации о состоянии – 1-м лицом: *Мне весело*.

У большой группы слов КС обнаруживаются еще более кардинальные семантические различия с кратким прилагательным, ср.: *Ему страшно* ('он испытывает страх') – *Он страшен* ('кто-то другой испытывает страх'; подробнее см. ниже).

Чрезвычайно существенными свойствами КС являются выражение субъекта состояния дательным падежом (наиболее иконичной формой выражения Экспериментера) и способность подчинять инфинитив (как будет показано ниже, не всякий инфинитив, а удовлетворяющий определенным семантическим требованиям).

Все это говорит о том, что КС не является просто предикативным вариантом (предикативным употреблением) наречия (как это следует из применяемого к словам

КС термина "предикативное наречие"), а имеет вполне самостоятельную "нишу" в грамматике. По разнообразию семантики (состояние окружающей среды, разные виды состояний человека, оценка, модальность) КС тоже, скорее, сопоставима с полноценной частью речи, чем с семантически однородным разрядом слов.

Вообще, семантика неконтролируемого, "пассивного" состояния настолько важна для русского языка [Вежибская 1996], что, несмотря на обилие безличных глаголов (с которыми КС имеет весьма показательное сходство) и довольно свободное образование безличных форм (и значений) от личных глаголов (ср. *колет/режет в бок; шумит/стучит/гудит в голове; несет/тянет гарью* и т.п.), безлично-предикативная конструкция притягивает многочисленные (но не любые!) слова неглагольного происхождения.

2. СХЕМА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ И ТИПЫ ПРОИЗВОДНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СЛОВ

Поскольку основной принцип переноса внутренних предикатов человека – принцип метонимический (перенос на смежные ситуации), прежде всего необходимо понять, какие это ситуации, с чем в первую очередь связано состояние и на что естественно эти предикаты распространять.

Состояние может не иметь причины (точнее, причина может быть неизвестна, или ее трудно сформулировать, ср. *Почему-то вдруг стало грустно/весело/тревожно*); тем более оно может не иметь внешних, наблюдаемых проявлений. Но обычно состояния все-таки и м е ю т причину (стимул) и и м е ю т внешние проявления (рефлексы), и в языке существуют средства для выражения стимулов и рефлексов состояний. Средства эти чрезвычайно разнообразны (например, *задрожал от страха, запрыгал от радости* – это рефлексы соответствующих эмоций).

Нас будет интересовать случай, когда само название состояния используется для обозначения связанных с ним ситуаций.

Полная схема "эмоциональной ситуации" включает следующие компоненты: каузатор Р (воздействующий фактор, стимул, причина), контакт (канал получения информации о каузаторе, способ воздействия фактора на Экспериенцера), собственно состояние S, различные "рефлексы" R внутреннего состояния – его внешние семиотические (воспринимаемые и "прочитываемые" наблюдателем) проявления, речевые и др. действия, мотивированные внутренним состоянием, и т.п. Это "горизонтальные" (каузально-временные) связи состояния. Кроме того, у него могут быть и "вертикальные" (иерархические) связи – когда на базе состояния возникает (пропозициональное) отношение к ситуации Р, ее оценка.

ПРИЧИНА Р – (КОНТАКТ) – СОСТОЯНИЕ S – ПРОЯВЛЕНИЯ R

ВОСПРИЯТИЕ ОТНОШЕНИЕ
ЗНАНИЕ ОЦЕНКА

ИСХОДНЫМ и основным звеном данной схемы для нас является СОСТОЯНИЕ и его предикат. Распространение этого предиката на "внешние" элементы схемы – КАУЗАТОР (чем вызвано состояние) и РЕФЛЕКС (в чем проявляется состояние) – дает два основных типа производных значений эмоциональных слов:

каузативное = КАУЗИРУЮЩИЙ S;
экспрессивное = ВЫРАЖАЮЩИЙ S.

Всего – три основных типа значений:

- собственно **состояние** (*Мне весело/смешно*);
- **каузативное** (*смешно передразнивал начальника; смешной случай*);
- **экспрессивное** (*весело засмеялся/веселый смех; грустно посмотрел/грустный взгляд*).

В сфере глагольной лексики, которая тоже широко используется для обозначения эмоций и эмоциональных каузаций, причиной является факт (*Отсутствие транспорта возмутило участников соревнований*: причина возмущения – 'тот факт, что транспорт отсутствовал' [Vendler 1967; Арутюнова 1988]), а рефлексом – ситуация (*Участники соревнований громко и долго возмущались отсутствием транспорта*: глагол *возмущаться* метонимически обозначает речевое выражение соответствующего состояния [Апресян 1995а: 32]). В нашем случае картина несколько другая. Прилагательные и наречия обозначают не "целые" ситуации, а только признаки ситуаций. И именно эти признаки выступают в роли каузаторов и рефлексов состояний (подробнее см. ниже).

В "вертикальном" (иерархическом) плане семантическое развитие происходит от собственно состояния к пропозициональному отношению, оценке: *Страшно/грустно, что Р*.

3. СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СЛОВ: ОБЗОР КОНТЕКСТОВ И ЗНАЧЕНИЙ

Эмоциональные (и вообще экспериенциальные) слова, кроме основного – "лично-го" – контекста (состояние лица) употребляются во вторичных контекстах – каузативном и экспрессивном (хотя их значение, как будет видно дальше, не всегда определяется контекстом).

В роли **каузативного контекста** выступают названия ситуации-каузатора: *событие, происшествие, случай, поступок, сообщение, известие, весть, новость, рассказ, история, слова* и т.п.

В роли **экспрессивного контекста** выступают слова, обозначающие вид и голос, – это естественные и основные выразители внутренних состояний человека, по которым об этих состояниях могут судить другие люди: *лицо, глаза, взгляд, улыбка, вид, голос, интонация, тон, смех, хохот* и т.п., а также соответствующие глаголы – *взглянул, посмотрел, сказал, закричал, улыбнулся, засмеялся, захохотал* и т.п.

В зависимости от набора значений и их распределения по разным формам, позициям и контекстам можно выделить три основных группы эмоциональных (экспериенциальных) слов:

- 1) **нейтральные**: *весело/грустно/печально/радостно/спокойно/тревожно (на душе)*;
- 2) **"пассивные"**: *огорчен/испуган/удивлен/расстроен/встревожен*;
- 3) **каузативные**: *страшно (жутко)/смешно/скучно/интересно/странно/обидно/досадно/жалко/приятно/неприятно/противно/мерзко* (в принципе, в эту группу входит, конечно, и слово *стыдно*, однако оно не имеет полной парадигмы).

Почему последняя группа названа каузативной, будет ясно из дальнейшего описания.

И С К А З У Е М О Е

В предикативной позиции есть две разновидности.

1. В форме краткого прилагательного (причастия) с субъектом в Им. п.:

- 1) нейтральные: *Х весел/грустен/печален/спокоен...* – имеют значение (актуально переживаемого) состояния Х-а (подлежащего);
- 2) пассивные: *Х огорчен/расстроен/удивлен/обижен/рассержен/встревожен...* (чем-то) – имеют значение (актуально переживаемого) состояния Х-а;
- 3) каузативные: *Х страшен/смешон/интересен/странен/жалок* – не обозначают состояния подлежащего; "*Х страшен/смешон...*" означает не 'Х-у страшно/смешно...', а 'У-у страшно/смешно...' (**Х обиден* вообще употребляется только с неличным субъектом, ср. *Ваш упрек обиден*).

2. В форме КС нейтральные и каузативные слова выражают состояние X-а:

- 1) X-у *весело/грустно/печально/у X-а спокойно/тревожно на душе*;
- 2) X-у *страшно/смешно/интересно/скучно/обидно*;
пассивные (отглагольные) слова не употребляются в форме КС:
- 3) *X-у *испуганно/огорченно/обиженно*.

II. ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

1) Нейтральные слова имеют оба значения в зависимости от контекста:

- а) в экспрессивном контексте – ‘выражающий S’: *веселый/грустный/печальный/спокойный/тревожный взгляд (голос); веселый/грустный/радостный/печальный/спокойный вид; радостная улыбка*;
- б) в каузативном контексте – ‘каузирующий S’: *радостное/грустное/печальное/тревожное событие (известие)*;

2) пассивные (отглагольные) прилагательные имеют

- а) в экспрессивном контексте – экспрессивное значение: *испуганный/раздраженный/обиженный/удивленный взгляд (голос/вид)* = взгляд/голос X-а выражают состояние S X-а;
- б) в каузативном контексте – не употребляются: **испуганное/огорченное/удивленное событие (известие)*;

3) “каузативные” слова имеют только каузативное значение:

- а) в каузативном контексте – каузативное значение: *страшный/смешной/странный/досадный/неприятный случай; страшные/странные/приятные/неприятные события; страшный/смешной/скучный/интересный рассказ (история)*;
- б) в экспрессивном контексте – каузативное значение: *У него страшный/жуткий/странный/неприятный взгляд; страшный хохот; жалкая улыбка; У него был страшный/смешной/жалкий/неприятный/странный вид* – значит не ‘вид X-а, выражающий состояние X-а страшно/смешно/жалко/неприятно/странно и т.п.’, а ‘вид X-а, вызывающий у Y-а реакцию страшно/смешно/жалко/неприятно/странно’.

III. НАРЕЧИЕ

Нейтральные и пассивные слова всегда имеют экспрессивное значение:

- 1) X *весело/грустно/печально/радостно/спокойно посмотрел/сказал*;
- 2) X *испуганно/удивленно/раздраженно/обиженно посмотрел/сказал* = взгляд/голос X-а выражают веселость/грусть/испуг/удивление и т.д., которое испытывает X;
- 3) каузативные слова всегда имеют каузативное значение:
страшно захохотал; неприятно/жалко улыбался; противно захихикал; странно посмотрел; смешно заковылял к выходу; интересно рассказывал; странно себя ведет; обидно дразнится/обзывается.

В связи с наречиями возникают два вопроса. Первый: почему у наречий “нейтральной” группы нет каузативного контекста? Ведь у соответствующих прилагательных он есть. *Радостное сообщение* имеет каузативное значение, а *радостно сообщил* – экспрессивное (сообщение выражает собственную радость X-а). У глагола *сообщить*, как и у других глаголов речи, есть два аспекта: голос (характер произнесения), содержание (что сообщил). Теоретически у *радостно сообщил* (и других подобных выражений) могло бы быть две интерпретации – ‘голос X-а выражал радость X-а’ и ‘содержание сообщения X-а вызвало радость у Y-а’. Однако в сферу действия наречия попадает голос, но не содержание.

Второй вопрос: в каком контексте употребляются каузативные наречия, т.е. *интересно рассказывал, смешно передразнивал* – это экспрессивный контекст или каузативный?

На оба эти вопроса ответ один: глагол здесь – экспрессивный контекст – как для экспрессивных наречий, так и для каузативных. И те и другие наречия являются обстоятельствами ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ. Образ действия – это вариант реализации ситуации: КАК Х делает Р. И по отношению к обеим группам наречий глагольный контекст устроен одинаково: *Он весело засмеялся* значит 'Он КАК-ТО засмеялся' – и это выражало его состояние; *Он страшно захохотал* значит 'Он КАК-ТО захохотал – ТАК, что (кому-то) стало страшно'.

Моделью такой структуры являются так наз. местоименно-союзные сложные предложения, где обе эти семантических составляющих распределены по разным частям сложного предложения:

Он т а к захохотал, что всем стало с т р а ш н о.

В первой части таких предложений выражается степень или образ действия, а во второй – следствие (результат). Причем образ действия ("как") обозначен не содержательно, а местоименно (*так*), и охарактеризован не непосредственно, а через результат. Конструкции с каузативными наречиями вида *Он страшно захохотал* имеют такую же семантическую структуру, но в синтаксически свернутом виде: каузативное наречие обозначает образ действия – но не прямо, а КОСВЕННО, через вызываемую РЕАКЦИЮ (результат).

Даже в "интеллектуальных" словах типа *интересно* и *странно* каузатором является не содержание ситуации, а способ ее реализации ("образ действия"). *Он интересно рассказывал* – не значит 'об интересных вещах', он мог рассказывать и о скучных вещах, но ТАКИМ ОБРАЗОМ, что было интересно слушать, ср.: *Он умеет интересно рассказывать даже о самых скучных предметах*. Т.е. в сферу действия наречия образа действия содержание не попадает, даже если оно есть.

4. РАЗЛИЧИЯ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ РАЗЛИЧИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ ИСХОДНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Итак, слова всех трех рассмотренных групп в исходном значении СОСТОЯНИЯ внешне не отличаются:

Х-у грустно = 'Х испытывает грусть'

Х-у страшно = 'Х испытывает страх'

Х огорчен = 'Х испытывает огорчение'

Тем не менее они имеют разные наборы производных значений (и, соответственно, разное поведение во вторичных контекстах).

Слова нейтральной группы имеют все три возможных значения – состояния, сти-мула и рефлекса. При этом только одно из них – исходное значение состояния – является, так сказать, полноценным. Производные значения возникают во вторичном контексте и определяются ("наводятся") самим этим контекстом: в каузативном контексте нейтральные слова получают каузативную интерпретацию (*грустное известие*), в экспрессивном – экспрессивную (*грустная улыбка*). И хотя эти значения обычно фиксируются словарями, их, вообще говоря, можно "автоматически" получать из исходного – по заранее сформулированному правилу.

Если исходить из того, что для предиката состояния естественно распространяться на смежные с состоянием ситуации – каузатор и рефлекс (а именно это происходит с нейтральными обозначениями состояния), то нейтральные слова ведут себя вполне тривиально и предсказуемо, и их поведение не требует специальных комментариев. Они представляют интерес лишь постольку, поскольку могут служить фоном для двух других классов эмоциональных слов. На этом фоне пассивные и каузативные слова ведут себя нестандартно (и это требует объяснения): они имеют неполный набор значений.

Слова пассивной группы имеют два значения – состояния (в форме пассивного причастия) и рефлекса (в форме прилагательного). При этом "недостача" каузативного

значения объясняется просто: они входят в парадигму глагола, и выражение каузативного значения у них обеспечивает либо сам глагол, либо соответствующее активное причастие.

Слова каузативной группы имеют два значения – состояния и стимула. При этом они НИКОГДА (ни в каких контекстах) не имеют экспрессивного значения ("выражающий состояние, названное корнем"): если человеку весело, у него веселый взгляд; но если человеку смешно, у него не **смешной взгляд*. Тем не менее они могут употребляться в экспрессивном контексте, – однако имеют там каузативное значение (и связанную с ним некорреферентную интерпретацию, о которой речь будет ниже):

э к с п р е с с и в н ы й к о н т е к с т

экспр. знач.	кауз. знач.
X весело засмеялся	X страшно захохотал
грустно улыбнулся	противно захихикал
↓	↓
X-у весело/грустно	Y-у страшно/противно

Это означает, что их каузативное значение не является контекстно обусловленным.

Наличие контекстно независимого каузативного значения и отсутствие экспрессивного значения – это особенности поведения, которые в целом можно назвать НЕЭКСПРЕССИВНОСТЬ. Неэкспрессивность – это внешнее проявление внутреннего, ингерентного семантического свойства слов группы *страшно/смешно* – именно слов, а не соответствующих состояний.

Отсутствие экспрессивных значений у слов *страшно, смешно, интересно, обидно* и т.п. вовсе не означает, что страх, обида, интерес и т.д. – это какие-то особые внутренние состояния, которые не имеют внешнего выражения во взгляде, голосе и т.п. Эти состояния имеют и внешние проявления, и языковые средства для их обозначения, ср. *испуганно/обиженно/со скучающим/обиженным видом/со страхом/с интересом* и т.п. (о языковых способах выражения эмоций ср. тж. [Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. 1993]). Значит, дело не в том, что эти ЧУВСТВА невыразимы, а в том, что эти СЛОВА устроены таким образом, что не могут приобретать экспрессивного значения.

Подведем некоторые промежуточные итоги. Состояния, обозначаемые словами всех трех групп, могут иметь как причину, так и рефлекс, т.е. с денотативной точки зрения ничто не препятствует образованию у них двух возможных типов производных значений – 'стимула' и 'рефлекса'. Слова нейтральной группы имеют оба возможных значения, слова пассивной и каузативной групп – только одно (причем разных типов). Поскольку языковое поведение слова определяется его семантикой и является ее внешним выражением, то следует предположить, что различия в поведении нейтральных и не-нейтральных эмоциональных слов связано с различиями в устройстве самого их исходного значения: это разные семантические модели, разные способы концептуализации состояния.

Эти различия возникают за счет включения в семантику слова информации о связях состояния с другими ситуациями, прежде всего – с причиной состояния. Речь идет именно о разных способах представления, о разных языковых моделях, поскольку на уровне внеязыковой реальности любое состояние МОЖЕТ ИМЕТЬ причину. При этом слова нейтральной группы сами по себе не содержат указания на причину. Они обозначают "чистое" состояние, поэтому их значение легко "перерабатывается" вторичными контекстами: ничто не препятствует трансформации исходного семантического материала. Если же говорящий хочет указать на связь данного состояния с причиной, он это делает обычным "сирконстантным" способом: *Мне грустно потому, что весело тебе*.

Таким образом, слова нейтральной группы обозначают состояние, у которого МОЖЕТ БЫТЬ причина. Слова пассивной и каузативной групп обозначают состоя-

ние, у которого ЕСТЬ причина. Они представляют (концептуализуют) состояние как результат воздействия. Состояние, вызванное воздействием некоторого стимула и являющееся ответом на него, естественно назвать РЕАКЦИЕЙ (ср. определение реакций в [Апресян 1995]).

У слов пассивной группы связь с причиной:

- эксплицитно выражается морфологически – они являются "пассивными формами" каузативных глаголов и обозначают каузированное состояние;

- легко выражается синтаксически – они наследуют от глагола валентность причины (*огорчен/испуган чем*).

У слов каузативной группы связь с причиной тоже входит в семантику, хотя:

- ни каузативность прилагательных и наречий, ни пассивность КС внешне (морфологически) никак не выражается;

- причина не имеет стандартного синтаксического выражения.

Поскольку пассивные и каузативные слова названы так по наиболее характерному значению, но при этом имеют два значения (т.е. должны называться пассивно-экспрессивные (*испуганный*) и пассивно-каузативные (*страшно*)), то мы иногда для краткости будем называть их по характерному представителю: группа *страшно* и группа *испуган*.

Тот способ представления состояния, которым отличаются слова класса *страшно/смешно*, весьма характерен для русской языковой картины мира, а сами эти слова, по многим параметрам сопоставимые с глагольными дериватами, имеют в то же время ряд нетривиальных особенностей. Все это заслуживает специального обсуждения, которому и будет посвящена вторая часть работы. Мы рассмотрим: особенности экспериенциальной каузации и экспериенциальной реакции; тип реакции и тип причины, выражаемые словами группы *страшно/смешно*, и их отличия от глагольных дериватов; и, наконец, способы выражения связи с причиной у каузативных слов.

ЧАСТЬ II. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ЭКСПЕРИЕНЦИАЛЬНЫХ КАУЗАТИВОВ И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СВЯЗИ С ПРИЧИНОЙ

1. ЭКСПЕРИЕНЦИАЛЬНАЯ КАУЗАЦИЯ И ЭКСПЕРИЕНЦИАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ

Как уже было сказано в начале, энергетическая и экспериенциальная сферы отличаются, в числе прочего, характером каузации.

В энергетической сфере человек воздействует на мир и что-то в нем изменяет, в информационной – мир воздействует на человека и оставляет в нем "информационные следы" – ощущения, впечатления, знания. В том и в другом случае имеет место воздействие, обычно сопровождающееся каким-то результатом, т.е. каузация, однако это воздействие происходит в разных направлениях: от человека к миру и от мира к человеку (еще раз напомним, что речь идет о ключевом звене каждой системы).

В экспериенциальной сфере каузация часто бывает неочевидной. Когда человека бьют, он ощущает боль – и это результат воздействия. Но это явное воздействие. Когда человек лежит на досках, на него никто специально не воздействует, – но он все равно что-то ощущает: ему жестко и, может быть, даже больно. В этом смысле здесь тоже можно говорить о каузации, поскольку ощущение, которое возникает у человека, – это реакция, РЕЗУЛЬТАТ.

Таким образом, экспериенциальная каузация – это не обязательно результат "направленного" воздействия, это может быть просто результат НАЛИЧИЯ во внешнем мире какой-то ситуации, с которой человек находится в КОНТАКТЕ и на которую он реагирует, – реагирует постольку, поскольку он вообще способен что-то ощущать и как-то реагировать на внешние условия и сигналы (т.е. в силу своей "экспериенциальной природы" – или, проще говоря, потому что он живой).

Вообще, в каком-то смысле любое состояние можно понимать как фрагмент, "осколок" некоторого отношения. Поскольку состояние (в отличие от свойства) –

ситуация временная [Булыгина 1982], то само его наличие чем-то обусловлено: либо тем, что было раньше (ср. *пьян* – раньше выпил), либо тем, что есть сейчас (*холодно* – не топят). Что касается рассматриваемых нами экспериенциальных состояний, то это, по-видимому, всегда одноместный фрагмент двухместного отношения. Прототипическое экспериенциальное состояние по своей природе предполагает связь между человеком и ситуацией внешнего мира: такое состояние есть отпечаток (образ) некоторого фрагмента мира в человеке, внутренний коррелят внешней ситуации. И у экспериенциальных реакций класса *страшно/смешно* эта внешняя ситуация является причиной.

ПРИМЕЧАНИЕ. *Страшно/смешно* отличаются от *весело/грустно*, в конечном счете, только тем, что *страшно/смешно* – “явные” реакции, причина которых, как правило, известна и даже находится в поле восприятия. Однако состояния группы *весело/грустно* тоже чем-то обусловлены, в широком смысле пациентны. Вообще, в экспериенциальной (информационной) сфере, как и в энергетической, есть свои аналоги агентивности и пациентности, свои активные и пассивные процессы (ср. серии предикатов активного и пассивного восприятия *смотреть–видеть* и т.п.).

Форма КС, по-видимому, и является в русском языке наиболее иконичным способом выражения “безлично-пассивного”, обусловленного состояния – отношения. Для такого отношения важна определенная направленность – от мира к человеку. Отношения, имеющие противоположное направление, – от человека к миру (т.е. к другому человеку, к ситуации), ср. *злиться (на)*, *презирать*, *сердиться* и т.п., – даже если они имеют причину, не могут принимать форму КС: **Мне презрительно*/**Мне сердито*.

**2. СЛОВА ГРУППЫ СТРАШНО/СМЕШНО
НА ФОНЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ДЕРИВАТОВ**

Поскольку слова со значением реакции – это “осколок”, фрагмент двухместного каузативного отношения, их естественно сравнивать с другими экспериенциальными каузативами – в первую очередь с глаголами и глагольными дериватами. Именно в этом сравнении отчетливо выступает их специфика.

Наиболее эксплицитным и наиболее полноценным средством выражения связи между (эмоциональной) реакцией и ее причиной являются глаголы эмоциональной каузации *Р* *огорчило/обрадовало/расстроило/удивило/возмутило* и т.п. *У–а*. Они имеют два ряда специальных морфологических форм для выражения, акцентирования двух аспектов каузативного отношения:

- а) активные причастия (и производные от них прилагательные и наречия), выражающие причину, стимул;
- б) пассивные причастия, выражающие собственно состояние, реакцию.

Если составить соответствующую пропорцию, то каузативные прилагательные группы *страшный* окажутся в “активном” ряду, а соответствующие реакции (*Мне страшно*) – в пассивном:

Причастие	Отглагольное прилагательное	Каузативное прилагательное
акт.: пугающий	– пугающие события –	страшное известие (“пугающее”) страшный взгляд (“пугающий”)
пасс.: испуган	испуганный ↓	(Мне) страшно (КС) ↓
экспр.:	испуганный взгляд	-----

Таким образом, глагол (парадигматический способ выражения каузативного отношения, т.е. связи между состоянием и его причиной) имеет два типа значений – ‘причина’ и ‘состояние’ (которые выражаются разными формами). Слова группы *страш-*

но/смешно ведут себя как глаголы, т.е. тоже обслуживают эти два типа значений (причем семантический сдвиг у них происходит как бы в пределах одной и той же формы).

В расширенную парадигму глагола, кроме собственно глагольных форм, входят также отглагольные прилагательные и наречия двух типов – "активные" (типа *пугающий*) и "пассивные" (типа *испуганный*).

Ближайшим аналогом каузативных прилагательных и наречий группы *страшный* являются активные прилагательные и наречия группы *пугающий*, которые, однако, имеют только каузативное значение, т.е. всегда характеризуют стимул (*пугающие перемены; с изумляющей быстротой*) и не могут употребляться в предикативной позиции в значении состояния (**Мне было пугающе; *Мне стало изумляюще*).

Ближайшим аналогом состояний–реакций группы *страшно* являются не отглагольные прилагательные (как можно было бы ожидать), а пассивные причастия типа *испуган*:

- 1) те и другие обозначают состояние;
- 2) те и другие включают в свою семантику связь с причиной, причем пассивные слова наследуют ее от глаголов эмоциональной каузации вместе с валентностью причины (*Х испуган/огорчен тем, что Р*);
- 3) нередко образуют очень близкие по смыслу пары, ср. *страшно–испуган, обидно–обижен, интересно–заинтересован*.

При этом в расширенной парадигме глагола есть, кроме значений стимула и реакции, еще и экспрессивные значения. В семантической парадигме слов группы *страшно/смешно* экспрессивных значений нет. Почему?

В парадигме глагола экспрессивные значения возникают не у причастий, а у отглагольных прилагательных (и наречий). В их семантике уже нет каузативной составляющей и соответствующей причинной валентности (**испуганный чем-то взгляд*), а есть только эмоциональная составляющая: *испуганный взгляд* значит 'выражающий испуг', так же как *грустный взгляд* значит 'выражающий грусть'.

При этом, превратившись в прилагательные, отглагольные слова уже не могут приобретать каузативного значения даже в каузативном контексте: **испуганное/удивленное событие* (в таком контексте употребляются: либо активное причастие СВ каузативного глагола (*обрадовавшее/огорчившее/удивившее всех событие*), либо активное причастие НСВ – или соответствующее прилагательное (*пугающий, отталкивающий*); либо "каузативное" прилагательное с суффиксом – ТЕЛЬ (*удивительный, огорчительный, утешительный, поразительный, успокоительный, трогательный* и т.п.); либо, наконец, каузативное прилагательное группы (*страшный/смешной*)).

Таким образом, чтобы у глагольных дериватов (исходно каузативных) возникло экспрессивное значение, они должны утратить связь с причиной и превратиться в "чистое" состояние. Слова группы *страшно* никогда не становятся экспрессивными, это означает, что они не могут утрачивать связь с причиной (если бы могли, имели бы экспрессивное значение) – их связь с причиной НЕУСТРАНИМА.

Поскольку пары вида *страшно–испуган, обидно–обижен* и т.п. описывают примерно одну и ту же эмоцию (и имеют примерно одинаковый набор семантических компо-

нентов), но при этом обнаруживают разные свойства, значит, различается внутреннее устройство самих слов – тип причины и соотношение с причиной.

Что собой представляет 'причина' каузативных слов и какое место она занимает в их семантической структуре?

В разных эмоциях разное соотношение собственно эмоциональной и рациональной составляющей [Апресян 1995: 370]. Например, в удивлении и возмущении рациональная составляющая больше, а в страхе – меньше. Но и одна и та же эмоция может, так сказать, повышаться, продвигаться от уровня непосредственной, неконтролируемой реакции в сторону рациональной оценки и отношения (ср. разные "качества" страха: *Похолодел от страха; Боюсь за тебя; Боюсь, что его нет дома*; о системе значений *бояться* [Зализняк 1992]). Таким образом, можно говорить о высших и низших эмоциональных реакциях, но при этом надо иметь в виду, что низшие реакции могут "повышаться". У высших и низших реакций разные типы причины и разное соотношение с причиной. Высшие эмоциональные реакции – *Р огорчило/обрадовало/возмутило/расстроило* *Y-a* – это реакции на СОДЕРЖАНИЕ ситуации *Р*. Их причиной является ФАКТ. Факт находится в информационном пространстве человека, это некоторая транспозиция внешней ситуации во внутренний мир, особая семантическая модель этой ситуации [Арутюнова 1988]. Факт нельзя актуально воспринимать и нельзя подвергаться актуальному воздействию факта на некотором интервале. С другой стороны, факт нельзя и "устранить".

У низших реакций причину можно назвать ФАКТОРОМ. Фактор – это внешний раздражитель в зоне восприятия человека, на который человек актуально и непосредственно реагирует, но который, в принципе, можно устранить.

Начнем с парадигматических каузативов – глаголов.

Низшие реакции обозначают лишь немногие глаголы, причем в почти "физиологических" значениях:

раздражает капание воды;

больного беспокоит повязка/шум с улицы (ср.: *Нас беспокоит отсутствие известий* – здесь *Р* ('то, что известия отсутствуют') уже факт).

Парадигматической формой обозначения низших реакций является форма НСВ.

Фактор, в отличие от чисто информационного факта, находится в реальном пространстве и времени, и воздействует (инициирует и поддерживает соответствующую реакцию) на некотором интервале.

У низших реакций соотношение с причиной (фактором) с и н х р о н н о е. Это не значит, что у низших реакций не может быть начала и конца (воздействие фактора может начинаться и прекращаться). Однако существенной для низших реакций является именно синхронность: это отношение между двумя одновременными каузально связанными ситуациями – наличием фактора и наличием состояния–реакции.

Для глаголов высших эмоциональных реакций исходным является СВ (хотя морфологически он обычно производный).

Глагол СВ обозначает информационное СОБЫТИЕ (изменение внутреннего состояния человека). Это событие включает по крайней мере три составляющих:

1) собственно информационная: *Y УЗНАЛ*, что *Р*;

2) ОЦЕНКА (ОТНОШЕНИЕ): *Y* рассматривает ситуацию *Р* как плохую/хорошую для себя/для других; соответствующую/не соответствующую норме и т.п.

3) ЭМОЦИЯ (РЕАКЦИЯ) – изменение эмоционального состояния *Y-a* (так сказать, "задело" – "не задело"; это очень важная составляющая, потому что ни знание, ни оценка сами по себе автоматически не приводят к образованию эмоции, реакции).

За пропозициональным актантом *Р* скрываются две разных вещи:

– динамическая – причина–событие, то, что действует во времени: *Y* узнал, что *Р*;

– статическая – причина–содержание (факт).

СВ акцентирует переход в некоторое эмоциональное состояние – само изменение, и на первом плане у него динамическая причина – событие. Соотношение с причиной у

СВ – последовательное (несинхронное): узнал → отреагировал → переживает.

У глагола НСВ, по сравнению с глаголом СВ соответствующего значения, оценка и эмоция меняются местами: оценка выдвигается на первый план, а эмоция уходит на второй план. Когда человек говорит: *Меня огорчает/возмущает, что Р* – он, строго говоря, не обязан испытывать это чувство, он просто таким образом характеризует (оценивает) ситуацию – как огорчительную, возмутительную и т.п.

Тем самым эмоциональный каузатив превращается в оценку, пропозициональное отношение:

Нас огорчает/возмущает/удивляет, что Р

Пропозициональное отношение вообще не находится во времени. оно находится "над временем" – в информационном пространстве человека. Такому отношению не нужен вид, поэтому употребляется немаркированный вид – НСВ. А кроме того, могут использоваться и неглагольные формы – слова КС:

Огорчительно/удивительно/возмутительно, что Р

Таким образом, соотношение с Р у пропозициональных установок НСВ такое же, как у глаголов низших реакций НСВ, – синхронное. И в этом сходстве есть глубокий смысл. Глаголы НСВ обозначают некоторое – одновременное или вневременное, но в конечном счете синхронное – СООТНОШЕНИЕ между некоторым состоянием субъекта и объектом оценки или фактором, т.е. само наличие связи между внешней ситуацией и ее экспериенциальным (информационным) коррелятом.

В группе каузативных слов тоже есть "низшие" реакции – и не только эмоциональные, но и физиологические – *больно, тяжело, страшно, смешно, противно, мерзко*; и есть более продвинутые в сторону пропозициональных установок и оценок. Например, *странно* практически не употребляется "изолированно", в виде чистой реакции, ср. **Мне стало странно*, а требует пропозиционального дополнения (*Странно, что Р*). При этом "низшие" реакции тоже могут повышаться до оценок (*Страшно, что Р*).

Слова низших реакций типа *больно, тяжело, смешно, страшно* предполагают, что человек подвергается воздействию некоторого фактора-раздражителя на некотором интервале и синхронно ощущает на себе это воздействие, т.е. испытывает состояние S в качестве непосредственной, неустранимой, непреодолимой, вынужденной реакции на Р.

Близким аналогом такого рода связи с причиной-фактором являются экспериенциальные значения глаголов *жать, давить, душить, жечь* и т.п. (у этих глаголов есть также и каузативные значения, ср. *жать руку приятелю; врач давит на живот*, т.е. те же два типа значений, что и у группы *страшно*, см. [Кустова 1998]). В экспериенциальном значении *Мне ботинок жмет / Меня этот галстук просто душит / Руку жмет / Рюкзак давит на плечи* они имеют субъекта состояния – Экспериенцера, выражаемого так же, как и при безличных глаголах состояния (*мне хочется/не спится; меня тошнит*), и обозначают реакцию на СИНХРОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ФАКТОРА на некотором интервале, причем воздействие фактора, как правило, устранимо (*Мне тяжело нести рюкзак; Рюкзак сильно давит на плечи – можно снять*).

Теперь мы можем вернуться к вопросу о том, почему пассивные слова утрачивают связь с причиной, а каузативные – нет.

Пассивные причастия *Х огорчен/расстроен* (в отличие от соответствующих каузативных глаголов) акцентируют собственно состояние – результат действия причины Р. Однако соотношение с причиной у них такое же, как у глагола СВ – последовательное (несинхронное): узнал → отреагировал → переживает. Причина-событие действует один раз ('узнал, что Р'), и второй раз подействовать уже не может. Состояние типа *огорчен/обрадован/расстроен* и т.п. является, так сказать, ИНЕРЦИОННЫМ: оно возникло в результате импульса, а дальше существует по инерции и постепенно уга-

сает. Поэтому пассивные причастия могут утрачивать причину в "стадии" прилагательных: состояние хотя и имело связь с причиной, но потом существует уже само по себе.

Состояния-реакции типа *страшно/смешно* – тоже результат, но не инерционный (как *огорчен*), а синхронный (как и глаголы *беспокоит (повязка)*; *раздражает (капание воды)*; *(ботинок) жмет*; *(рюкзак) давит* и т.п.); они, как и пропозициональные установки (и в отличие от реакций СВ), описывают не изменение, а соотношение:

Р испугало Y-а

Y испуган

Р воздействует на Y-а

Y-у страшно

Из-за этой синхронности из их семантической структуры нельзя изъять причину (без причины не будет и самого состояния) – ее можно только "повысить": преобразовать в объект оценки (содержание пропозициональной установки).

3. ОТРАЖЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДВУХВАЛЕНТНОСТИ В ЯЗЫКОВОМ ПОВЕДЕНИИ СЛОВ ГРУППЫ *СТРАШНО/СМЕШНО*

Итак, слова группы *страшно/смешно*, будучи реакциями, предполагают связь между двумя членами каузативного отношения – причиной и результатом – состоянием лица, т.е. являются семантически двухместными и имеют две валентности: субъекта состояния и причины состояния. Однако, в отличие от глаголов, которые являются парадигматическим способом выражения каузативного отношения, реакции группы *страшно/смешно* не имеют полноценных способов выражения всех элементов такого отношения и выражают его в более или менее редуцированном виде.

У КС субъект реакции имеет стандартное синтаксическое выражение в форме Дат. 'парадигматической для Экспериенцера), хотя может и не иметь поверхностно-синтаксического выражения, если субъект реакции совпадает с говорящим (ср. [Падучева 1991]) или если он обобщенный [но тогда и КС из реакции превращается в оценку, ср. *Ему было стыдно/неловко/страшно врать/признаваться/просить/обращаться к...* ('испытывал стыд/неловкость/страх оттого, что...') vs. *Стыдно врать/Врать стыдно* ('врать нехорошо')].

Что касается причины, КС, конечно, не имеет таких способов выражения причины, какие есть у глаголов экспериенциальной каузации. Тем не менее наличие у слов КС-реакций причинной составляющей проявляется в ряде особенностей их языкового поведения и в их системных парадигматических связях, а именно:

- КС подчиняет инфинитив особого рода;
- у слов КС из причины развивается валентность содержания;
- с прототипическими КС-реакциями соотносятся только каузативные наречия и прилагательные.

У каузативных прилагательных и наречий валентность причины "забита", поскольку они сами и являются обозначениями причины-фактора. Валентность субъекта того состояния, которое вызывается обозначаемой ими причиной, у них синтаксически невыразима, однако наличие связи с субъектом реакции проявляется в их некорректности.

В форме КС слова со значением состояния-отношения (состояния-реакции) подчиняют инфинитив. Этот инфинитив может выражать собственно причину: *Страшно умирать* (пример Ю.Д. Апресяна); *Страшно терять друзей*; *Обидно получить отказ*; *Неудобно себя хвалить*. Однако в таком случае КС не обозначает непосредственную реакцию, а продвигается в сторону оценки, пропозиционального отношения. – и инфинитив обычно может быть преобразован в пропозициональный объект (очень часто при этом предполагается обобщенный субъект), ср.: *Страшно, что мы*

теряем друзей – *Страшно, когда мы теряем друзей.* Такой же инфинитив могут присоединять и нейтральные слова, поскольку они тоже могут обозначать о б у с л о в л е н н о е состояние → оценку → отношение: *Грустно расставаться с друзьями – Грустно, что мы расстаемся – Грустно, когда (если) приходится расставаться с друзьями.*

Однако более свободно КС присоединяет другой инфинитив – обозначающий ситуацию, которая является КАНАЛОМ ВОЗДЕЙСТВИЯ фактора на Экспериментера, т.е. ситуацию КОНТАКТА со стимулом (ср. схему в разделе 1.2), тот интервал, на котором У подвергается воздействию, находится в сфере действия фактора: *Тяжело нести чемодан; Страшно идти по темному коридору; Смешно смотреть, как он ковыляет к выходу.*

Здесь тоже выражается связь с причиной – но косвенно (*Страшно идти по темному коридору* – страх вызывает темнота и что-то связанное с ней, но воздействие этого фактора связано с ситуацией, обозначенной инфинитивом).

Аналогичные особенности выражения связи с причиной имеют и другие экспериментальные слова, ср.:

Он со страхом прислушивался к шагам в коридоре;

Он недоверчиво оглядел посылку

– формально-синтаксически они подчиняются обозначению канала восприятия (*слушал, смотрел*), но семантически связаны с причиной (или ее "материальными заместителями" – шаги, посылка).

Контакт с фактором может быть "физическим" (*тяжело нести*). Однако основные каналы воздействия на экспериментальную сферу – информационные: *страшно/смешно/тяжело смотреть на это/слушать это*. С этой точки зрения стандартным и парадигматическим контекстом для КС являются глаголы *смотреть* и *слушать* (а также *видеть* и *слышать*), поскольку зрение и слух – основные каналы получения информации (и важные способы контакта с внешней ситуацией). В каком-то смысле любое выражение с каузативным экспериментальным словом предполагает наличие канала информации, и его можно эксплицировать:

смешно заковылял к выходу – смешно было смотреть, как ковыляет;

интересно рассказывал – интересно было слушать, и т.д.

Но почему в одних случаях используются "активные" глаголы восприятия (*слушать, смотреть*), а в других – "пассивные" (*видеть, слышать*)? "Активные" глаголы восприятия так же, как и глаголы физического действия (типа *нести*), обозначают ситуацию контакта со стимулом и связаны с ИНТЕРВАЛОМ, на котором происходит воздействие. При этом в сферу действия КС попадают внешние – наблюдаемые, непосредственно воспринимаемые – признаки ситуации.

"Пассивные" глаголы – это тоже канал поступления информации, но в качестве стимула здесь выступает и воздействует другая информация – содержание воспринимаемой ситуации (факт), ср.:

Как он похудел! Страшно смотреть – признаки;

Приятно видеть такое единение – содержание (**приятно смотреть на такое единение*);

На него всегда приятно смотреть – приятный вид;

Всегда приятно вас видеть – приятно, что мы общаемся;

Приятно слушать такую музыку – приятная музыка (признаки);

Приятно слышать такие новости – хорошие новости (содержание);

Странно видеть его в такой компании – Странно, что он в этой компании (факт);

Странно слышать от вас подобные заявления – странные заявления (содержание);

Более "физиологические" реакции типа *противно* сочетаются только с активными глаголами:

противно слушать/противно смотреть. но не **противно видеть/противно слышать*.

Более "умозрительные" реакции типа *странно* предпочитают пассивные глаголы:

Странно слышать от вас подобные заявления – а не **слушать*:

Странно видеть его в такой компании – а не **смотреть*.

А, например, у *приятно* есть и более "физиологический" вариант – ощущение. и более "содержательный" – оценка (*приятно, что*), ср.:

Приятно слушать музыку и Приятно слышать о ваших успехах.

Разумеется, такое распределение глаголов активного и пассивного восприятия – не абсолютное правило. а лишь тенденция (ср., например, *Приятно снова видеть горы/смотреть на горы* (пример предложен Ю.Д. Апресяном) – в обоих случаях выражается, скорее всего, оценка – что-то вроде 'хорошо, что я снова в горах': причем для такой интерпретации важен контекст обстоятельства *снова*).

Таким образом, контекст "пассивных" глаголов – это шаг к пропозициональной установке.

Реакции, как и глаголы экспериенциальной каузации, могут трансформироваться в пропозициональные отношения. связанные с содержанием. Причем такая трансформация может происходить не только с эмоциональными, но даже с физиологическими реакциями:

Больно, что его нет с нами;

Горько, что он нас покинул;

Страшно, что он солгал.

Валентность содержания имеет у этих слов такое же происхождение. как и у глаголов эмоциональной каузации типа *огорчить*, – она развивается из причины. Появление валентности содержания у слов типа *больно, горько, тяжело* (физиологических реакций) было бы совершенно необъяснимым, если бы они с самого начала не были "скрытыми каузативами".

Нейтральные и пассивные наречия (*весело, испуганно* и т.п.) в экспрессивном значении обозначают такой признак действия, который свидетельствует о состоянии субъекта э т о г о действия, т.е. у наречия и глагола один и тот же субъект. Такое употребление наречий можно назвать **кореферентным**:

Х грустно сказал – Х сказал, Х-у грустно;

Х испуганно посмотрел – Х посмотрел; взгляд Х-а выражает испуг, который испытывает Х.

Каузативные наречия обозначают такой признак действия Х-а, который вызывает реакцию у Y-а, т.е. они характеризуют действие Х-а через отсылку к состоянию д р у г о г о человека – неучастника. наблюдателя, воспринимающего эту ситуацию со стороны:

Х интересно/смешно рассказывал – Х рассказывал, Y-у – "получателю" информации – интересно/смешно;

Х страшно закричал/завыл: Х закричал/завыл – Y-у страшно.

Синтаксически такие наречия относятся к предикату Х-а. но указывают на состояние Y-а – в этом смысле их можно назвать **некореферентными** (то же самое относится и к каузативным прилагательным, например, *У Х-а был страшный вид* значит не "вид. выражающий страх Х-а", а "вид Х-а. каузирующий страх у Y-а". ср.: – *Ты сдаешься или нет ? – прокричал страшным голосом Воланд* (М.А. Булгаков) – страшно не Воланду, а тем, кто слышит его голос).

Некореферентное употребление имеют не только слова каузативной группы. но и другие слова, выражающие экспериенциальное (информационное) отношение или интерпретацию (оценку в широком смысле), в неосновных. "вторичных" формах и синтаксических позициях, ср.: *неслышно подошел; незаметно пробрался; непонятно*

объяснил; ср. тж. *Он легкомысленно позвонил в 5-ю квартиру* (пример из работы [Филипенко 1999]).

Эксплицитным и синтаксически полноценным способом выражения связи между субъектом и внешней (воспринимаемой, оцениваемой и т.п.) ситуацией являются предикаты пропозиционального отношения и оценки (интерпретации), у которых субъект и пропозициональный объект присутствуют в предложении в явном виде, ср.: *Я не ожидал, что он придет*. Здесь ситуация, соответствующая пропозициональному объекту, "подчиняется" предикату отношения. Соотносительные с ними (и очень часто производные от них) прилагательные и наречия выражают то же отношение в свернутом виде, точнее говоря, "обратным способом": *Он приехал неожиданно*. Здесь доминантой является воспринимаемая и оцениваемая ситуация, а предикат наблюдателя, интерпретатора или другого "постороннего" субъекта вставляется в описание этой ситуации и подчиняется ее предикату. Это синтаксически неполноценная, редуцированная форма выражения информационного отношения: субъект такого отношения занимает относительно низкую синтаксическую позицию (*неожиданно/незаметно для нас*), либо вообще оказывается синтаксически невыразимым *страшно захохотал* – **страшно для меня*; такова же природа синтаксически невыразимого наблюдателя в предложениях типа *На дороге показался всадник* и субъекта сознания, контролирующего метатекстовые (в частности, вводные) слова [Падучева 1991].

Такие свернутые, редуцированные предикаты отношения (*непонятно, неслышно, страшно, легкомысленно* и т.п.) имеют некорреферентное употребление (т.е. их субъект некорреферентен субъекту основного предиката предложения) по одной и той же причине: контролируемый ими предикат вставляется в "чужую" ситуацию, они описывают связь человека (субъекта реакции, восприятия, оценки) с в н е й ситуацией – его состояние, обусловленное этой ситуацией, или отношение к ней. Экспериментер, как и субъект оценки, – это всегда "посторонний", он всегда воспринимает некоторую ситуацию со стороны, находится за ее пределами, даже если это его "собственная" ситуация, ср.: *Я понимаю, что я не прав*.

Что касается каузативных наречий (и прилагательных), то у них тоже есть такая валентность "внешнего" субъекта, и в основном, исходном каузативно-экспериментальном значении они не имеют корреферентного употребления. Это относится не только к эмоциональным реакциям, но и к физиологическим реакциям на механическое воздействие или воздействие окружающей среды. Вот некоторые примеры.

Температурные реакции: *жарко – холодно – тепло*.

"Температурные" слова в исходном "температурном" значении имеют некорреферентное (каузативное) употребление в форме наречий:

Варенуха (X), навалившись на стол, жарко дышал в щеку Римского (Y) – жар ощущает Y (Римский), а не X (Варенуха);

но не имеют корреферентного:

**Холодно стоял на морозе; *Жарко сидел у батареи.*

Если человек стоит на морозе и ему холодно, то это ситуации, безусловно, связанные. Почему нельзя сказать **Холодно стоял на морозе*, т.е. почему наречие *холодно* не может подчиняться предикату своего субъекта и характеризовать эту ситуацию (*стоять на морозе*) в качестве ее параметра, ее аспекта? Очевидно, потому, что *холодно* – это каузированное состояние (реакция). *Холодно* либо вставляется в "чужую" ситуацию – обозначая тот ее параметр, те ее признаки, которые вызывают реакцию, либо употребляется в форме КС – и тогда выражает связь с причиной обычным для этой формы способом: подчиняет инфинитив, обозначающий ситуацию контакта с фактором (интервал воздействия, каковым и является *стоять на морозе*):

Холодно стоять на морозе; Жарко спать на печке.

Вкусовые реакции: *горько – сладко*

Горько есть – но не **горько ел*;

эти слова могут иметь некорреферентное прочтение и в метафорических значениях: *горькие истины*.

Колкость (но не острота)

колючие растения; колючий взгляд; колкие замечания.

Боль и тяжесть

Врач больно сжал запястье пациенту: врач сжал – пациенту больно:

Диверсант тяжело навалился на пограничника: диверсант навалился – пограничнику тяжело.

**Больно сжал кулак → до боли.*

Больно обжегся возможно потому, что *обжегся* – это возвратный глагол. здесь один референт совмещает две роли – "Винownika" и Пациенса, причем боль испытывает именно Пациенс.

Корреферентные употребления этих наречий связаны с другими ("не-реактивными") значениями (ср. *тяжело ступал*).

Комфорт/дискомфорт: *жестко – мягко – удобно – неудобно*

Мягко и жестко в значении ощущений человека не употребляются в качестве наречий, а употребляются только в виде КС:

**мягко сидел → (было) мягко сидеть;*

**жестко спал → жестко спать (на досках).*

Прилагательные *мягкий* и *жесткий* характеризуют признак предмета X через воздействие, производимое на человека Y, через ощущения Y-а: *мягкая/жесткая постель* – на которой мягко/жестко спать человеку; *мягкое наказание* – не оказывающее значительного отрицательного воздействия на Y-а; *жесткие требования/условия/сроки* – дискомфортные для Y-а. Между прочим, *твердый* не имеет таких свойств, хотя свойство "твердый" тоже устанавливается (определяется) путем "тактильного" взаимодействия: *твердый* – это такой, который сопротивляется нажатию, не поддается сжатию (ср. [Рахилина 2000]). Но в случае *твердый* человек концентрируется на свойстве объекта, а в случае *жесткий* – на своих ощущениях от взаимодействия с ним.

**Неудобно сидел → неудобно сидеть; Неудобно сели* – это уже не физиологическая реакция, а оценка "выгодности" позиции (например, отсюда не видно): *удобно устроился* – возвратный глагол, *удобно* относится к Пациенсу.

Итак, рассмотренные нами слова группы *страшно/смешно* могут обозначать оба элемента каузативного отношения – стимул и реакцию. В позиции реакции (пассивное значение) они имеют скрытую (а иногда и явную) связь с причиной, выражаемую инфинитивом ситуации контакта или инфинитивом причины: в позиции стимула (каузативное значение) – скрытую связь с субъектом реакции и, вследствие этого, некорреферентное употребление.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Экспериментальные слова имеют и другие характерные значения:

оценка/отклонение от нормы ('плохой, хороший, некрасивый, необычный' и т.п.): *ужасный вид; ужасные условия; Он страшный человек; страшный* (о внешности человека = 'некрасивый'; о внешнем виде предмета, ср. *страшный плац*); *Она удивительный человек; потрясающий фильм; поразительный голос* (очень необычный) и т.п.;

степень/количество/"величина": *ужасно умный; жутко красивый; жуткий мороз; Страшно рад слышать ваш голос!; тяжелая болезнь; человек удивительной доброты; больно умный* (прост.), *не больно старался; смешные цены; жалкие 5 рублей*; ср. также: *ощутимая/чувствительная потеря; заметный рост; внушительная при-*

бабка; невиданная наглость; неслыханная дерзость; поразительное/потрясающее нахальство.

Однако эти значения нерегулярны (лексикализированы) – как в смысле их наличия у того или иного слова, так и в смысле результата семантической деривации (например, *страшный* – это ‘много’, а *смешной* – ‘мало’).

Значения же экспериенциального ряда имеют почти грамматическую регулярность и “обязательность”: они образуются на базе ‘состояния’ по определенным семантическим формулам с предсказуемым семантическим результатом, причем набор этих значений определяется типом связи состояния с причиной в исходной форме парадигмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аничков И.Е. 1997 – Проблема частей речи // Аничков И.Е. Труды по языкознанию. СПб., 1997.
- Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. 1993 – Метафора в лексикографическом толковании эмоций // ВЯ. 1993. № 3.
- Апресян Ю.Д. 1995 – Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Ю.Д. Апресян. Избр. труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян Ю.Д. 1995а – Типы информации для поверхностносемантического компонента модели “Смысл $\Leftrightarrow$ Текст” // Ю.Д. Апресян. Избр. труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Арутюнова Н.Д. 1988 – Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М., 1988.
- Булыгина Т.В. 1982 – К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Вежицкая А. 1996 – Русский язык // Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Виноградов В.В. 1947 – Русский язык (грамматическое учение о слове). М; Л., 1947.
- Галкина-Федорук Е.М. 1957 – О категории состояния в русском языке // РЯШ. 1957. № 4.
- Зализняк Анна А. 1992 – Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München, 1992.
- Исаченко А.И. 1955 – О возникновении и развитии категории состояния в славянских языках // ВЯ. 1955. № 6.
- Кибрик А.Е. 1992 – Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Кустова Г.И. 1998 – Производные значения с экспериенциальной составляющей // Семиотика и информатика. М., 1998. Вып. 36.
- Падучева Е.В. 1991 – Говорящий: субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Поспелов Н.С. 1955 – В защиту категории состояния // ВЯ. 1955. № 2.
- Рахилина Е.В. 2000 – Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Травничек Ф. 1956 – Заметки о категории состояния // ВЯ. 1956. № 3.
- Филипенко М.В. 1999 – Предикативные наречия на -О // Типология и теория языка. От описания к объяснению. М., 1999.
- Шапиро А.Б. 1955 – Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? // ВЯ. 1955. № 2.
- Щерба Л.В. 1928 – О частях речи в русском языке // Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- Chafe W.L. 1971 – Meaning and the Structure of Language. Chicago; London. 1971. [русск. пер.: Чейф У.Л. Значение и структура языка. М., 1975].
- Fillmore Ch.J. 1968 – The case for case // E. Bach, R. Harms (eds), Universals in linguistic theory. New York, 1968. [русск. пер.: Ч. Филмор. Дело о падеже // НЗЛ. М., 1981. Вып. X.].
- Vendler Z. 1967 – Causal relations // The Journal of Philosophy. 1967. № 21. [русск. пер.: Вендлер З. Причинные отношения // НЗЛ. М., 1986. Вып. XVIII].